

**АНДРЕЙ
РУБАНОВ**

АНДРЕЙ
РУБАНОВ

ЖЁСТКО И УГРЮМО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ
ШУБИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р82

Художник *Виктория Лебедева*

Издательство благодарит литературное агентство
«Banke, Goumen & Smirnova»
за содействие в приобретении прав

Рубанов, Андрей Викторович.

Р82 Жёстко и угрюмо : рассказы / Андрей Рубанов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 315, [5] с. — (Проза Андрея Рубанова).

ISBN 978-5-17-115719-7

Андрей Рубанов — автор романов «Патриот», «Готовься к войне», «Финист — ясный сокол». Лауреат премий «Национальный бестселлер» и «Ясная Поляна», финалист премии «Большая книга».

В новом сборнике короткой прозы «Жёстко и угрюмо» на сцену снова выходит «я-герой» Рубанова, наследующий художественно-документальной «я-литературе» Лимонова и Довлатова, — тот же, что в романах «Сажайте, и вырастет», «Великая мечта», «Йод» и сборниках «Стыдные подвиги» и «Тоже Родина»: советский мальчиш, солдат, бизнесмен, отсидевший уголовник, киносценарист, муж и отец.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-115719-7

© Андрей Рубанов
© ООО «Издательство АСТ»

ЖЁСТКО И УГРЮМО

Семён Макаров был опытный кинематографист.

Прежде чем попасть в волшебный мир кино, Семён много лет занимался музыкой и фотографией, а кроме того — писал газетные статьи, продавал сигареты вагонами, сочинял недурную прозу в стиле Андрея Белого, производил водку в Северной Осетии, ставил любительские спектакли в Таганроге, обналичивал и отмывал деньги в Москве, а также владел единственным и, по слухам, сверхпопулярным киоском «Куры-гриль» в Элисте, республика Калмыкия.

Я не был столь многогранен.

В детстве я хотел быть Фёдором Достоевским, в юности — Джорджем Соросом, за что и пострадал.

Но с друзьями мне везло, а с Семёном повезло особенно. Мы познакомились в общежитии студентов МГУ на просмотре фильма Алана Паркера «Стена», а спустя неделю уже создали совместный бизнес по выколачиванию карточных долгов. Потом были и другие затеи, столь же респектабельные.

Мы много сотрудничали и хорошо зарабатывали. Нас смогла разлучить только Генеральная прокуратура Российской Федерации.

Я попал в «Матросскую тишину», но Семён не расстроился — и, пользуясь случаем, поступил в Институт Кино.

Когда, спустя три года, меня выпустили из следственного изолятора — Семён уже был опытным кинематографистом.

Ни один из его многочисленных сценариев не добрался до большого экрана. Институтские педагоги раздражали Семёна — с его точки зрения, они ничего не знали о жизни. Истории, которые сам Семён считал изящными, воздушными комедиями, полными любви и радости, — педагоги принимали за кровавые депрессивные триллеры. Когда лучший и самый лёгкий сюжет — о том, как сам Се-

мён пять дней просидел в плену у черкесов, привязанный прорезиненными прыгалками к батарее центрального отопления, справляя нужду в бутылку из-под шампанского, — был забракован педагогом по мастерству, Семён забросил учёбу, решив, что его идеи опережают время.

Следующие несколько лет дались нам обоим тяжело, но мы держались друг за друга. Я добывал хлеб прорабом на стройке; Семён учредил таксопарк в Новороссийске. Дважды женился и развёлся.

Всё шло нормально. Наши дети не голодали.

В какой-то момент, окончательно возненавидев сварочные и кровельные работы, я вспомнил детство и стал ночами писать роман о русской тюрьме. Однажды выяснилось, что роман готов, — и мне удалось опубликовать его.

Книга имела успех. Тираж был распродан, критики выдали честный и мощный аплодисмент. Три или четыре журнала напечатали мой портрет. Испитой и угрюмый, я выглядел отвратительно; однако Семён был счастлив. Он звонил дважды в день, помогал советами и сопереживал. Он имел редчайший среди людей искусства дар: радоваться удаче товарища.

Несколько недель я был почти знаменит, моя книга почти попала в топы и почти получила престижную премию.

И вот, в самом апогее эйфории, прозвучал телефонный звонок.

Сверхмодный кинорежиссёр Ржанский желал купить права на экранизацию моего романа.

Я позвонил Семёну, он примчался, оставив свой таксопарк, и обнял меня: загорелый, угловатый, пропахший жареной рыбой. Мы немедленно напились. Жена пыталась пресечь, но Семён сказал: «твоего мужа экранизируют» — и нам позволили продолжать.

Ржанский, сам Ржанский захотел меня, — не какой-нибудь ремесленник, не лабух дешёвый, не посредственный производитель косноязычных сериалов, а легендарный и скандальный Илья Ржанский, сумасшедший питерский гений, создатель фильма «Пять», в котором голые старухи обливают друг друга красным вином и поют красивые срамные песни, а потом всё кончается плохо — но впечатление остаётся хорошее.

Моя звезда явно восходила. Иметь дело со Ржанским было престижно.

Стали обдумывать план.

Надо было знать нас, хитроумных растиньяков; мы были слишком умные и слишком

битые, мы понимали: каждый шанс может быть последним, каждая фраза единственного разговора может стать ключевой. Просто сунуть руку, познакомиться и взять деньги — мало; надо вызвать интерес, надо изумить, ошарашить, заинтриговать.

Деньги предлагались маленькие, смехотворные.

— Имей в виду, — говорил Семён, втыкая указательный палец в мою грудь. — Он обязательно спросит, есть ли у тебя что-нибудь ещё. И ты скажешь, что есть.

— Но у меня ничего нет.

— Ни у кого никогда ничего нет, — ответил Семён. — Но надо сказать, что есть. Тем более, что у тебя — есть. Ты же будешь продолжать?

— Не уверен. Я, пожалуй, сосредоточусь на капитальном строительстве. На литературные гонорары жить нельзя.

— Учись! — вскричал возбуждённый Семён. — Учись, и научишься! Скажешь ему, что всего — навалом. Море сюжетов. Куча идей. Абсолютный фреш! Персонажи! Язык! Фабулы! Всё что хочешь!

— А я что, должен сразу с ним — на «ты»?..

— Сообразишь на месте.

Я испугался.

— Сообразишь? А ты со мной не пойдёшь разве?

— Нежелательно. Лучше выступить соло. Когда люди приходят вдвоём — впечатление размывается.

— Я без тебя не пойду, — сказал я. — Мне страшно.

— Сколько раз ты был на допросе?

— Пятьдесят.

— Прокуратуры не боишься, а кино боишься.

— Да. Боюсь. А вдруг всё срастётся? А вдруг он снимет хорошее кино? У меня крыша поедет.

— В кино у всех крыша едет, — сказал Семён. — Ты его фильм смотрел?

— Пытался.

— И что ты понял?

— Он хочет быть крутым. Острым, ярким. Преступным.

— Вот! Вот! Вы нашли друг друга! Вы договоритесь. Вы сделаете бешеную картину. Главное, чтоб она была зрительская. Внятная. Тарковский был хорош, но его идеи убили русский прокатный кинематограф! Никакой тарковщины! Никакого искусства из головы! Только отсюда! — Семён ударил себя в ключицу. — Из сердца, из нервов!

— Мне показалось, этот Ржанский... как раз из головы работает...

— Работал, — поправил Семён. — Пока тебя не нашёл. Теперь вы сделаете настоящее кино. Из позвоночного столба. Из собственной природы. Убеди его в этом. Зарази.

— Тогда, — сказал я, — ты пойдёшь со мной.

— Как скажешь, — ответил друг. — Я тебя люблю. Я не оставлю тебя ни в горе, ни в радости.

Ах, как была тогда нам нужна эта победа.

Ах, как вовремя нас посетила эта благодать.

Пьяные, счастливые, дурные, плохо постриженные, мы стояли на балконе, мы смотрели в жёлтые окна, мы вдыхали кислый воздух большого города. Мы хохотали.

Мы знали всё про всё. Нам сравнялось по тридцать пять. Мы были богатыми и бедными, преданными и проданными, битыми и клятыми, женатыми и разведёнными, спившимися и завязавшими, арестованными и освобождёнными, вонючими и благоуханными. Олигархи доверяли нам миллиарды, а собственные жёны боялись доверить собственных детей. Мы понятия не имели о том, кто мы такие.

Мир пытался, но не мог нас идентифицировать. Мерзавцы — или герои? Авантюристы — или подвижники? И вот одному из нас удалось положить на бумагу наши рефлексии, нашу ярость и любовь.

Я не совершил подвига, я не родил новую формулу, я не пересёк океан и не открыл Америку.

Но я нашёл слова.

Спустя несколько дней Ржанский позвонил. — Я сейчас в Каннах, — сообщил он сквозь атмосферные шорохи трёх тысяч километров. — Вернусь, и поговорим у меня в офисе, ага?

— Ага, — ответил я.

Естественно, он находился в Каннах, а где ещё, глупо удивляться. Естественно, у него был свой офис; естественно, на территории концерна «Мосфильм».

— Да хоть в Кремле, — сказал Семён, когда я сообщил о звонке из мира грёз. — Не менжуйся. Через десять лет у тебя тоже будет офис на «Мосфильме». А может, и в Голливуде.

Я в те дни много пил, жена не доверяла мне машину; мы двинули на randеву пешком.

— Только на своих двоих, — авторитетно научил Семён. — Ты писатель, следовательно — голодранец. Заодно и прогреем мозги, по пути к славе.

От метро «Киевская» — полчаса быстрым шагом, вдоль сурового гранитного парапета набережной Москвы-реки. Но прославленные литераторы, чьи опусы экранизируют ещё более прославленные кинодеятели, не ходят быстрым шагом. Успех неоспорим, очевиден. То есть — мы уже успели, не опоздали; спешить было некуда. Без нас не начнут и не закончат.

Оснащённые великолепно скользкой бутылью молдавского коньяка, мы двигались естественным темпом естественно хмельных мужчин, безусловно доказавших планете свою стопудовую естественность. Узкая посудина 0.75 удобно помещалась в кармане пиджака. Пока шли — прикончили и выбросили в реку: чёрные волны унесли стеклянную дуру в прошлое, а мы шагали в будущее.

Территория концерна «Мосфильм» была необъятна и практически безлюдна, газоны заросли лебедой по колено; с трудом мы отыскали нужное здание и нужный этаж, и, пока шли вдоль ряда облезлых дверей, Семён усмехался бесшумно.

У меня тоже был свой офис; и у Семёна был; мы тоже «делали дела», пусть не в сфере кино, пусть без визитов в Канны — но это ничего не меняло.

Режиссёр Ржанский оказался молодым, статуарным, ухмыльчивым блондином. Эстетский шарф обнимал его бледную питерскую шею.

Курил одну сигарету за другой. На пачке светилась надпись «курение убивает» на чистом французском языке. Бросив пачку на исцарапанный стол, гений следом бросил и конверт с деньгами. Жест мне понравился: не все знают, что передавать деньги из пальцев в пальцы — дурная примета.

Положи на стол, убери руку.

А нет стола — так и не пытайся строить из себя делового.

Помимо гения, в комнате находились ещё несколько мужчин и женщин; все элегантные, умно прищуренные. Одна из женщин шустро поместила рядом с конвертом официальную, в двух экземплярах, бумагу.

Я подписал, не читая. Сложил вчетверо, сунул в задний карман.

Семён цинично мне подмигнул. За пятнадцать лет практики в русском бизнесе мы с ним составили, может быть, тысячу всевозмож-

ных договоров и контрактов. Мы ненавидели юридические бумажки лютой ненавистью. Мы полагали основным элементом любого контракта рукопожатие.

Возможно, я подписал соглашение о продаже души дьяволу. Возможно, дьявол тоже был кинорежиссёр.

Мы сели. Стулья под нашими костлявыми ногами закричали. Питерский гений посмотрел с беспокойством.

— Эта книга... — произнёс он, изящно протерев очки краем шарфа. — Вы что, писали её вдвоём?

— Он писал, — ответил Семён, кивнув на меня.

— А он — помогал морально, — добавил я, кивнув на Семёна. — Вам понравилась книга?

— Трудно сказать, — веско процедил гений. — Не мой материал.

— То есть, вы не будете это снимать?

— Конечно, нет. Но права куплю. Может, перепродать получится.

— Хотите заработать?

— Да, — лаконично ответил Ржанский.

— Великолепно, — вступил Семён, пока я засовывал конверт в тот же карман, где полчаса назад покоилась бутылка. — Я вас пони-